

БОРИС ВАУЛИН

Окончил Свердловский государственный медицинский институт и факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

В журналистике с 1972 года. Работал в многотиражной газете Уралмашизавода «За тяжелое машиностроение», в областной газете «Тюменская правда», в пресс-центре Миннефтегазстроя, в областной газете «Белгородская правда», с 1986 года в областной газете «Коммуна».

Печатался в «Советской России», «Труде», «Социалистической индустрии», «Медицинской газете», журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Подъем», «Журналист», «Кольцовский сквер». В 2007 году вышла книга очерков «Однажды, где-то в России».

За время профессиональной работы в печати отмечен 29 наградами министерств, ведомств, Союзов журналистов СССР, России и областных организаций.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
имени Артема БОРОВИКА

РАССЛЕДУЮТ ЖУРНАЛИСТЫ

* * *

Решением жюри конкурса на премию Артема Боровика **Ваулину Борису Ивановичу** присуждается диплом конкурса «Честь. Мужество. Мастерство» за очерки о правовом беспределе, опубликованные в газете «Коммуна», г. Воронеж.

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Журналист берется за судебный очерк чаще всего в двух случаях. Либо хочет написать о невинно пострадавшем и потерпевшем человеке, за которого не смогли заступиться ни правоохранительные органы, ни судебная система. Либо рассказать об осужденном, которого эти самые органы назначили жертвой, а он в силу каких-то обстоятельств не смог защитить себя. Понятно, что в обоих случаях автор должен испытывать к своим героям добрые человеческие чувства, стараясь облегчить участь пострадавшего, защитить невинного.

Однако уголовное дело, о котором пойдет речь, — наособицу. Августовским утром 2004 года возле мусорной свалки на железнодорожных путях Воронежского вокзала нашли мертвую женщину. Изнасилованной и убитой была 38-летняя ранее судимая Топкина. Она вела порочный образ жизни, но каждый выбирает свой путь в этом мире. Поскольку жизнь у человека отняли, то убийцы должны были ответить за это. Сыщики решили, что насильниками стали трое подростков. Они не отличались примерным поведением, нигде не работали и не учились. Были дерзки, грубы и уже заражены многими пороками нашего криминально-рыночного общества. Шалопайство — это всегда баланс на грани нарушения закона. По версии следствия, подростки и соскользнули за эту грань. Их вину доказали быстро, и дело отправили в областной суд.

Журналист — не адвокат, обязанный защищать человека, и молодые люди, сидевшие на скамье подсудимых, не вызвали у меня симпатии, да и преступление, в котором их обвиняли, было чрезвычайно мерзким, поэтому я и не думал заниматься этим делом. Однако еще до окончания первого судебного процесса стали возникать сомнения в объективности его ведения. Приговор был отменен Верховным судом России, и новый состав из трех служителей Фемиды начал второе судебное разбирательство. Через шесть месяцев и оно завершилось. После того как тройка судей огласила свой приговор, сомнений в его неправосудности не осталось. Я понял, что обязан высказать свои мысли по этому поводу.

ВЕРСИЯ ОБВИНЕНИЯ

Четырнадцатилетний Павел Н. и пятнадцатилетний Александр С. появлялись на вокзале довольно часто. Шестнадцатилетнего Андрея

П. видели здесь всего два-три раза. (Я не называю полностью фамилии подсудимых: у них еще вся жизнь впереди). В ночь с 5 на 6 августа 2004 года парни бесцельно болтались на привокзальной площади Воронежа. В тот поздний вечер они выпили пива и от нечего делать ходили по перрону. Неожиданно увидели лежащую на земле пьяную женщину. Решив изнасиловать ее, подняли и повели на территорию сортировочного парка станции. Довели до кустов и здесь по очереди сначала сделали свое грязное дело, а потом стали бить несчастную руками и ногами. Женщина сопротивлялась, но безуспешно. Когда надоело издеваться, изверги оставили Топкину на земле, а сами разошлись по домам.

Александра и Павла задержали вечером 17 августа, а Андрея — через 20 дней после происшествия. В силу необходимости допросы шли ночью, и подростки запирались недолго. По совету адвоката В. Т. Коцюбы младшие подозреваемые в один из ночных допросов признались в преступлении. Правда, когда у каждого из них появились свой защитник, С. и Н. отказались от признательных показаний, заявив, что дали их под давлением следователей. Прием известный, и суд, естественно, не поверил этому, тем более что сами дознаватели заявили, что «никаких недозволённых методов к подсудимым не применялось». Впрочем, доказательств вины малолетних преступников и без того хватало. Конечно, некоторые из них были противоречивыми, но суд успешно преодолел эту проблему: те, которые не вписывались в канву происшествия, оставили за скобками.

Свидетели Беляев, Вельяминов, Чужинов и другие уверенно показали, что Александра С. и Павла Н. они часто видели у игровых автоматов на привокзальной площади. Продавец торгового киоска Воронина вспомнила, что в ночь убийства обвиняемый Н. покупал у нее пачку презервативов и шоколадку «Сникерс». Свидетель Ерохин рассказал, что «С. и Н. часто приставали к бомжам. На эту тему он несколько раз беседовал с С., а Н. всегда производил на него неприятное впечатление, вел себя нагло».

Чрезвычайно существенными оказались воспоминания свидетеля Стольников (настоящую фамилию этого человека я изменил по этическим соображениям. — *Б.В.*), который заявил, что «5 августа на вокзале у игровых автоматов видел С.» и заметил также, как «двое парней вели с привокзальной площади в сторону ликеро-водочного завода женщину, находившуюся в состоянии алкогольного опьянения, на которой были камуфлированные штаны зеленого цвета. Один из парней был ростом выше среднего, худощавого телосложения, темноволосый». Стольников уточнил, что у него «фотографическая память на лица». Правда, на предварительном следствии и в судебном заседании свидетель давал противоречивые показания в части одежды обвиняемого П., но суд посчитал «данные противоречия несущественными, поскольку Стольников запомнил П. не по одежде... а по

лицу, росту, фигуре и цвету волос». Стольников утверждал также, что у женщины, которую вели парни, были светлые волосы, в то время как у потерпевшей — темные. Это несоответствие, по мнению суда, тоже «не может влиять на достоверность показаний, потому что Стольников видел ноги потерпевшей и запомнил ее камуфляжные штаны».

Показания свидетелей подтверждались вещественными доказательствами. Через одиннадцать дней на месте происшествия обнаружили два презерватива без упаковки. Вероятно, это и были те самые, которые покупал Павел Н. в ночном киоске на привокзальной площади. Кроме того, лабораториями были проведены исследования крови, слюны и спермы, взятых с тела убитой. Анализ биологических компонентов «не исключил принадлежность их обвиняемым». Больше того, слюна, обнаруженная на одежде Н., не исключала ее принадлежность Топкиной.

Таким образом, признание обвиняемыми С. и Н. своей вины на одном из ночных допросов, опознание Стольниковым Андрея П., который, по его словам, с 23 до 24 часов 5 августа вел по привокзальной площади человека в камуфлированных брюках, утверждение свидетеля Ворониной, что именно Н. делал у нее покупки в ту ночь, и наконец, заключения судмедэкспертизы позволили суду согласиться с позицией обвинения о причастности подростков к преступлению. Эти четыре пункта фигурировали как в первом, так и во втором процессе. Они и стали главной базой приговора.

ВОЗРАЖЕНИЯ ЗДРАВОГО СМЫСЛА

Тем, кто сталкивался с судебной системой, известно о существовании Уголовно-процессуального кодекса (УПК). Это закреплённая законом система правовых норм, регулирующих действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел. Кодекс совершенно четко и однозначно определяет действия должностных лиц — что можно делать, а что совершенно нельзя. Кодекс — закон, и любой нарушивший его рискует попасть под уголовное преследование. Увы, Россия страна — особая: у нас если нельзя, но очень хочется, то можно. Наблюдая некоторые процессы, едва ли не каждый раз вспоминаешь пословицу про закон и дышло, потому что следствие и суд нередко допускают столько нарушений УПК, что некоторых следователей, прокуроров и судей самих можно сажать на скамью подсудимых. Однако никто не сажает, потому что все привыкли к этому безобразию. Вот и получается, что судопроизводство в России идет не в строгом соответствии с законом, а, как и 70 лет назад, руководствуясь идеей революционной целесообразности. Кто-то, очевидно, слышал о главном принципе того времени: «При-

знание — царица доказательств». Жизнь показывает, что и нынче от этого принципа недалеко ушли.

Итак, напомним, что убийство было совершено в ночь с 5 на 6 августа. Через 10 дней, поздним вечером 16 августа, задерживают подростков С. и Н. Привозят в отделение милиции и глубокой ночью начинают допрос. Я думаю, каждому ясно, каким могло быть психологическое состояние мальчишек в те часы. Ночью в камере в окружении суровых дяденек с наручниками и дубинками не только пацан, любой взрослый человек признается в том, чего не совершал. Поэтому, согласно ст. 164 УПК, «производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства».

— Здесь и был такой случай, — заявил следователь на суде, — надо было срочно установить третьего участника преступления.

Что ж, установили быстро. Почему же арестовали его только через девять дней, хотя он куда и не скрывался? Или это, по мнению следствия, и были «не терпящие отлагательства», из-за которых пришлось закон нарушать? В УПК есть статья 426, которая гласит, что «с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого» следователь обязан допустить к участию в уголовном деле «законных представителей несовершеннолетнего». Никого не допустили. Суду потом объяснят, что не нашли. Интересно, как их искали, если милиционеры даже квартиры разыскиваемых не могли назвать толком? Родители и родственники в тот вечер были дома, но даже по телефону с ними никто не пытался связаться.

Дальше — больше. Закон требует предоставить каждому подозреваемому своего адвоката, поскольку с перепугу подростки могут и себя, и другого оговорить. Скажем «спасибо» законодателю. Однако наши следователи решили, что достаточно и одного адвоката на двоих. Причем пригласили не того, кто имел хоть какой-нибудь опыт работы с подростками, а бывшего следователя транспортной прокуратуры В.Т.Коцюбу. Судя по всему, следовательская закваска укоренилась в этом человеке накрепко. Другой бы защитник воспротивился проведению ночных допросов без особой нужды и к тому же при отсутствии законных представителей, а этот даже одобрил действия следователя. Настоящий адвокат вспомнил бы, что не имеет права защищать сразу двух подозреваемых и не должен брать у матери одного из них 10 тысяч рублей, ведь назначен-то он защитником в порядке ст. 51 УПК. Он не должен рекомендовать своему подзащитному давать такие показания, которые бы могли «утопить других подозреваемых». Но, видимо, юрист Коцюба не слишком хорошо усвоил этику адвокатской работы. Хорошо, что Совет адвокатской палаты Воронежской области, разобравшись в ситуации, 9 февраля 2006 года поставил точку в непродолжительной карьере этого господина.

Нарушений в ходе предварительного следствия было столько, что даже прокурор посчитал, что многие так называемые доказательства надо исключать. Что можно узнать, например, из большинства свидетельских показаний? Только то, что подростки едва ли не каждый день болтались на вокзале, играли в денежных автоматах, делали покупки в ночных киосках. Безусловно, такое времяпрепровождение вступающих в жизнь молодых людей не радует, но все их действия еще не преступление.

Никто из свидетелей не видел, что хоть кто-нибудь из этой троицы подходил к Топкиной, вел ее под руки в сторону станционных путей. То есть из многочисленных свидетелей только один связывает обвиняемых с «женщиной в камуфлированных штанах». Можно ли верить этим показаниям?

СВИДЕТЕЛЮ НИЧЕГО НЕ ИЗВЕСТНО

Для объективности процитирую фрагмент аудиозаписи показаний свидетеля Стольников в судебном заседании.

«Вопрос прокурора: — Расскажите, что вам известно по данному делу?»

Стольников: — Ну, если честно, мне ничего не известно. Мне известно то, что, как я догадывался, то есть, судя по голосу, я так и говорил в прошлый раз: судя по голосам... Ну, то есть, судя по голосу даже. Ну... волосы были такие вот у нее, сейчас скажу... Судя по голосу, по одежде и волосам. Ну то, что голос был... Нет, нет — женский голос, а лица как такового я не видел. Я не могу утверждать, что и женщину видел. Я видел в профиль человека, ну в профиль или анфас, то есть наполовину... Я им все рассказал с подробностями — одну женщину таскали, вторую, и вот третью — оказалась она как бы по описанию одежды.

Прокурор: — Что значит таскали?

Стольников: — Ну там...

Адвокат: — Женщину там вел или тащил мужчина?

Стольников: — Не могу сказать, что женщину... просто человека.

Адвокат: — Человек, которого тащили, помните в чем был одет?

Стольников: — Кого тащили? Я помню волосы... Такие волосы были светлые, светло-каштановые такие...

Судья: — У кого, кого?

Стольников: — Ну, у того, кого тащили... Волосы светлые, брюки у нее были, цвет не помню, ну... явно не темные, а такие, не светлые — или серые, или темные. Ну... я не знаю, честно говоря. Ну, знаю, что брюки... Больше ничего не видел.

Адвокат: — Мог ли это быть мужчина, а не женщина?

Стольников: — Мог быть и мужчина.

Адвокат: — То есть вы не исключаете?

Стольников: — Конечно, там, за автоматами. Конечно, может, там, за автоматами, была другая женщина, от меня было десять метров... Она «нет, нет» говорила.

Судья: — Второй мужчина, который тащил, вы можете опознать его?

Стольников: — Нет, он со спины.

Судья: — Вы его не запомнили?

Стольников: — Не запомнил.

Судья: — А ростом он был меньше?

Стольников: — Ну, конечно, ростом меньше.

Судья: — А третьего мужчины не было?

Стольников: — Третьего — нет. Ну, там стояли кто-то справа, я не знаю...

Прокурор: — В тот день, когда тащили женщину, вы видели кого-нибудь?

Стольников: — В тот день я видел вот слева парня. Его я точно видел.

Прокурор: — С-ва, да?

Стольников: — Конечно.

Судья: — А в какой день?

Стольников: — В тот день, когда тащили женщину.

Судья: — По делу установлено, что это было 5 августа 2004 года.

Стольников: — Если честно, я не помню.

Прокурор: — Н-на видели?

Стольников: — А Н-н это кто?

Прокурор: — Вот сидящий.

Стольников: — Справа, посередине, слева?

Прокурор: — Самый крайний.

Стольников: — Слева, да?..

Прокурор: — Нет, это С-в.

Стольников: — С-в, А Н-н посередине, да?

Прокурор: — Нет, с правой стороны.

Стольников: — А я его вообще даже не видел».

Прошу прощения за столь обширное цитирование протокола допроса, но я хотел, чтобы читатель сам ощутил особенности этого процесса и личность главного свидетеля обвинения. Потом суд очень долго выяснял: с какого расстояния Стольников видел двух людей, тащивших третьего? Оказалось, что это было 7 метров, а может, 10 или 15 или 20—25. Потом выявляли остроту зрения свидетеля. Определили, что в августе 2004 года она была «минус 5,5—6 диоптрий». Свидетель носил очки, и не просто очки, а с темными стеклами. Уточняли, сколько раз его допрашивали по данному делу? Выяснилось, что «раз шесть — точно, а то, может, и десять», поэтому он уже не помнит, что когда говорил, и сколько раз протокол составляли, тоже не знает.

КАКИМ УЛИКАМ ВЕРИТЬ?

В общем, читатель, вероятно, уже догадался, что в качестве главного свидетеля обвинения выступал психически больной человек. 32-летнему Стольникову диагноз «параноидальная шизофрения, тревожно-депрессивный синдром» был поставлен восемь лет назад. Он — инвалид второй группы, получает социальное пособие, и, несмотря на частые пребывания в психиатрической больнице, неадекватность его поведения с провалами памяти все увеличивается. Правда, врач-психиатр из областной психбольницы в Орловке, вызванная в качестве эксперта, заявила в суде, что «шизофрения поддается лечению», но доказать эту сенсационную для медицинского мира новость не смогла.

Казалось бы, здравый смысл говорит, что человек с душевными фантазиями, не ориентирующийся в элементарных жизненных понятиях, не отдающий себе отчета в происходящем, не имеет права быть полноценным свидетелем. По крайней мере, в судах цивилизованных стран именно такой принцип. Впрочем, и у нас определенные правовые нормы на этот счет есть. Статья 75 УПК гласит, что «показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе», относятся к недопустимым доказательствам. Двадцать две страницы допроса Стольникова в большинстве своем представляют маловразумительный говор больного человека, противоречащий другим доказательствам по этому делу. Финал допроса поистине замечателен. На вопрос судьи: «Свидетель, вы вообще считаете себя здоровым человеком?» — ответ был таков: «Нет, я слишком много думаю, слишком много...» И вот показания такого гражданина суд закладывает в основу приговора. Неужели у опытных юристов ничего в душе не дрогнуло, когда они подписывали этот документ? Эту тайну знает только совещательная комната, но мы ее никогда не узнаем.

На фоне этого о показаниях другого свидетеля, Ворожиной, утверждавшей, что именно у нее обвиняемый покупал презервативы и шоколадку (вот ведь какая жуткая улика!), можно и не говорить. Кстати, женщина ничем не могла подтвердить, что той августовской ночью она работала хоть в каком-нибудь киоске на привокзальной площади. Почему следователи решили «задействовать» ее в этом деле — неизвестно.

Но если свидетельские показания столь шатки, то, быть может, исследования судебно-медицинской экспертизы дают жесткий и однозначный ответ на все вопросы? Если бы. Как уже говорилось, труп женщины был обнаружен рядом со свалкой, куда проводники выбрасывают мусор из пассажирских вагонов. Через десять дней (!) следователь Сладких решает повторить осмотр места убийства. Он посылает туда милиционеров, которые по словесному описанию нашли не только само место, но и обнаружили на свалке два презер-

ватива. Они и были объявлены вещественными доказательствами. Если следовать логике следствия, то за прошедшие десять дней к свалке не приближался ни один человек и ничего на нее не выбрасывал. Когда поиск непровержимых улик преступления превращается в фарс, то о каком уважении к закону можно вести речь?

Тем не менее эксперты добросовестно исследовали все, что им предоставили следователи. В конце концов оказалось, что обнаруженные на теле женщины сперма, слюна и кровь «не исключают их происхождение от подозреваемых». С выводом добросовестных исследователей не поспоришь. Но с каких пор слово «не исключают» стало основополагающим в судебном приговоре? Следуя такой логике, можно любого заподозрить в любом преступлении. Более того, если взять подобные биологические компоненты от адвокатов, прокурора и (страшно подумать!) самих судей, то ведь и их можно не исключить из числа подозреваемых? Поэтому пленум Верховного суда в постановлении от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» четко и недвусмысленно указал: «Обратить внимание судов на то, что вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора». Не мне учить судей осмыслять и выполнять указания высшего судебного органа государства. Но если они не выполняются, то, быть может, просто неведомы воронежским юристам в черных мантиях?

С большим уважением отношусь ко многим судьям, ведущим уголовные процессы. Несмотря на многолетнее общение с криминальной публикой, они не потеряли добросердечия, веры в то, что даже в преступнике остаются какие-то хорошие качества, стремления тщательно разобраться в деле и дать ему объективную оценку. Есть, к сожалению, и другие, загодя знающие, что любой гражданин, попавший на скамью подсудимых, достоин только тюремной решетки.

Трудно поверить, но в приговоре по уголовному делу Александра, Павла, Андрея автор этих строк не обнаружил ни одного доказательства, которое бы «жестко» и аргументированно доказывало вину подсудимых. Любое можно повернуть и так, и эдак. Но ведь, согласно закону, «все сомнения в виновности обвиняемого... толкуются в пользу обвиняемого». Судьи почему-то забыли даже этот простой постулат.

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Есть и другие странности.

Эксперты утверждают, что смерть женщины могла наступить в промежутке с 21 часа 5 августа до 5 часов 6 августа. В показаниях работника игровых автоматов Ерохина значится, что он «в ночь с 5 на 6 августа с 1 часу до 3 часов стоял на остановке общественного

транспорта на привокзальной площади... Рядом с нами стояла женщина среднего роста, волосы длиной по плечи темного цвета,... одета в штаны камуфлированного цвета. Примерно часа в 3 или начале 4-го я пошел спать. Женщина осталась стоять на том же месте». Свидетель по фотографии сразу опознал потерпевшую Топкину. Таким образом, время смерти несчастной сужается до двух часов — с трех до пяти утра 6 августа. Разве это не важная составляющая всего следствия? Однако суд в своем приговоре не дает этим свидетельствам никакой оценки, даже не упоминает их. Почему? Больше того, показания этого же свидетеля, который видел в эти минуты потерпевшую, но в окружении не подсудимых, а крепких молодых парней, судом во внимание тоже не приняты. Опять тот же вопрос — почему?

Свидетель Стольников утверждал, что у него «фотографическая память». Прекрасно. Защита просит провести следственный эксперимент: насколько хорошо сумеет различить свидетель группу людей, идущих в ночное время по привокзальной площади, запомнит ли он в профиль лицо мужчины, если увидит его в течение 2—3 секунд, опознает ли его через месяц? Эксперимент для выяснения истины — важнейший. Он мог бы многое прояснить, и тогда стрелка весов Фемиды окончательно качнулась бы в ту или иную сторону. Однако судьи и на это предложение не реагируют. Не странно ли?..

Второй суд мало чем отличался от первого, проходившего в 2005 году. Оба длились более шести месяцев, оба обращали внимание на одни доказательства и дружно игнорировали другие. По приговору Александр С. получил 4 года, Павел Н. — 7 лет, Андрей П. — 9 лет воспитательной колонии. Естественно, в Верховный суд сразу же ушли кассационные жалобы. Ровно через четыре месяца Верховный суд вынес определение, показавшее полную несостоятельность воронежских юристов. Причем редчайший случай: даже прокурор, разбиравшая кассацию, заявила о необходимости отмены приговора. Судебная коллегия, указав на весьма серьезные ошибки, отменила вердикт и направила дело на новое рассмотрение. Надежды на справедливое решение возлагали осужденные, их родители, адвокаты.

Однако новая судебная тройка будто в прежнюю колею встала: как и их предшественники, упорно не замечала многочисленных нарушений УПК и Конституции, не реагировала на ходатайства защиты исключить из доказательств те, которые получены с нарушением закона. Как и год назад, несколько месяцев ушло на выяснение болезни свидетеля Стольникова. Зато разобраться, кто и как оказывал на подростков психологическое и физическое давление, выбивая из них признательные показания, суд почему-то не стремился. Больше того, не давал разрешения на свидания подростков с родителями и не обращал внимания на то, что подсудимые

доставлялись в зал судебного заседания избитыми. Дело дошло до того, что один из подростков пытался вскрыть себе вены в зале заседаний.

20 июня 2006 года был зачитан приговор. Он полностью продублировал уже звучавший год назад: 4 года, 7 лет и 9 лет. Только старший из подсудимых будет теперь отбывать срок в колонии общего режима, потому что достиг 18-летнего возраста. Судьи читали приговор с чувством выполненного долга, а я слушал и думал: зачем суд-то был, если он не исправил ни одной ошибки своих коллег? Красноречивый штрих. В клетке для подсудимых не было Павла Н., которого из следственного изолятора увезли в тюремную больницу. Однако по этому поводу ни один из трех судей и словом не обмолвился: видимо, по их убеждению, это была сушая мелочь.

КЛУБНИКА В КРОВИ

В грибановском селе на собственном огороде убили достойного человека. Сделал это пьяница, которому потребовалась закуска. Убийца до сих пор гуляет на свободе

В тот день, 14 июня, жительница грибановского села Нижний Карачан Любовь Семеновна Пишугина как обычно занималась домашними делами. После обеда вышла в палисадник, чтобы привести в порядок грядки с цветами. Дом находился на окраине села, движения машин и людей практически не было. Даже птицы, сморенные летним зноем, попрятались в тень. Вокруг стояла тишина. Женщина столь увлеклась своими заботами, что поначалу не услышала голосов на другой стороне улицы. Однако неразборчиво громкие звуки не прекращались, и она выглянула из-за заборчика, чтобы понять, откуда доносится шум.

Неожиданно громкий вскрик разорвал тишину летнего дня и сразу оборвался. Любовь Семеновна определила, что исходил он из сада семьи Кувшинчиковых, живших напротив. Потом послышался угрожающе грубый голос, и новый еще более страшный вскрик разорвал тишину дня. Затем все стихло, а через несколько секунд раздались невнятные стоны, и прерывающийся мужской голос стал просить о помощи.

Любовь Семеновну охватил страх, но она все же добежала до соседа Владимира Пишугина:

— Володя, иди, посмотри скорее, у дачников в саду будто стонет кто-то. Риты дома-то нет, а я боюсь идти.

«Дачниками» в шутку звали семью Кувшинчиковых. Валентин Александрович родом был из этого села, но судьба давно уже забросила его вместе с Маргаритой Владимировной в Латвию, где они и жили постоянно. Малую родину, однако, не забывали, и каждый год на лето приезжали в старый сельский дом, отдохнуть от городской суеты. Оба были приветливыми и интеллигентными людьми, почти

со всеми соседями нашли общий язык. Несколько дней назад Маргарита Владимировна уехала в Нижний Новгород на юбилей к сестре, и муж оставался один на хозяйстве. Сейчас у него, очевидно, что-то случилось.

Пишугин прошел через дорогу, открыл дверь в дом. В комнате никого не было. Через сени вышел во двор, и услышал приглушенный стон, доносившийся из сада. Владимир открыл калитку и обмер от увиденного. На земле, привалившись плечом к забору, лежал хозяин дома. Из его рассеченной головы сочилась кровь. Лицо, шея, руки, рубашка все было в крови. Рядом валялась лопата со сломанным черенком, тоже измазанная кровью. На большой грядке с клубникой, вполоборота к раненому, лежал человек и ел ягоды. Рядом стояла тарелка, наполненная крупной спелой клубникой. Пишугин узнал нигде не работающего и недавно вышедшего из тюрьмы односельчанина. Это был злой и неприятный человек, промышлявший какими-то темными делами. В пьяном виде здоровый и крепкий мужик становился невменяемым, и сельчане старались обходить его стороной. За эти качества и своеобразную внешность его прозвали «чугунком». Кличка стала его вторым именем.

— Что ж ты наделал? — закричал Пишугин Чугунку. — Ведь ты же убил его!

Тот медленно поднялся, взял в руку окровавленную лопату и сделал шаг к ненужному свидетелю:

— Я его положил, сейчас и ты рядом окажешься.

Теперь было ясно видно, что Чугунок пьян, и дикая злоба начинает бурлить в нем. Он поднял лопату и встал у калитки. Пишугин отскочил и бросился по саду к соседним подворьям, где могли быть люди. Какое-то время вслед ему бухали тяжелые шаги, потом отстали...

Весть о происшедшем мгновенно разнеслась по близлежащим домам. Через 20 минут на улице уже стояла «скорая помощь» местной амбулатории. Пожилая медсестра сделала укол, и сказала, что пострадавшему надо полежать дома или его отвезут в амбулаторию. Кувшинчикова пытались уложить, но он стонал от боли, пытался встать, бормотал что-то нечленораздельное.

— Его в больницу надо вести, в Грибановку, ему срочная операция нужна! — кричали люди.

Медики совсем растерялись. Оказалось, что в районный центр «скорая помощь» не сможет доехать — нет бензина. Его выдают 30 литров на сутки, и если какой-то день выдался колготной, то к вечеру машина становится недееспособной. Соседи побежали по домам за деньгами, принесли, кто сколько мог, и отдали водителю на заправку «скорой». Тем временем подъехал милицейский «уазик». Участковый неторопливо выбрался из машины, подошел к собравшимся людям, спросил:

— Ну что, опять бытовуха?

— Какая бытовуха? — закричали ему. — Здесь человека убили!

Милиционеры пошли опрашивать соседей. В первую очередь направились во двор дома, примыкавшего к саду Кувшинчиковых. В этом жилище постоянно возникали веселые пиршества. Хозяева нигде не работали, но бражничали весьма часто. Вот и в этот день организовали застолье, в котором участвовал и Чугунок. В этом доме его снабдили тарелкой для сбора ягод в саду у соседа. Увы, семья, состоящая из многопьющих мужа и жены, и в этот раз была в столь веселом состоянии, что ничего толкового сообщить не могла. Между тем Чугунок, воспользовавшись общей суматохой, исчез...

Поздним вечером Валентина Александровича привезли в районную больницу. Врачи осмотрели пострадавшего и поняли, что со сломанными ребрами они могли бы справиться. Однако сложнейшая нейрохирургическая операция на головном мозге была им не под силу. Позвонили в Воронеж. В 12 ночи звонок принял диспетчер Центра медицины катастроф. Через 15 минут из его ворот выехала машина с нейрохирургом высшей категории Сергеем Кузьменко. В начале четвертого утра 15 июня он уже стоял за операционным столом. Сделал все, что было в его силах, но силы даже хорошего хирурга небеспредельны. Он не может вернуть к жизни тончайшие структуры головного мозга, разрушенные страшными ударами ребра лопаты. Пострадавший прожил еще сутки. Утром 16 июня 2006 года Валентин Кувшинчиков закончил свой земной путь.

Сколь несправедлива все же бывает жизнь. Был приветливый, добрый человек, любивший своих близких и родных, воспитавший достойных сына и дочь. В молодости он выбрал путь воина и был достойным сыном Отечества. Служил там, куда его посылала Родина. Полковник Военно-воздушных сил поднимал в небо самолеты и на Крайнем Севере Советского Союза и на жарком юге одной из ближневосточных стран. Когда государство, которому он служил, развалилось, он вышел в отставку и остался жить в ближнем зарубежье. Однако каждую весну, словно перелетная птица, готовился к поездке на малую родину. Видел ведь, что жизнь здесь по сравнению с благополучной Латвией не улучшается, и тем не менее ехал.

С каждым годом малая родина встречала его, будто остервенелая мачеха. Приезжая в конце мая в Нижний Карачан, Кувшинчиковы почти каждый год обнаруживали, что в доме кто-то хозяйничал. Свидетельством того было выбитое в доме окно. Через него злоумышленники вытаскивали домашнюю утварь и электроприборы — телевизор, электропилу, водяной насос. Однажды холодильник пытались украсть, да поняли, что он в окно не пролезет. Супруги вновь покупали необходимое для дачного хозяйства, а на другой год

воры опять приходили с ревизией. В последние годы не гнушались старыми рабочими штанами и куртками. У имевшихся в доме книг перетрясали страницы, видимо искали в них запрятанные деньги. Супруги поставили решетку на окно, но ее отогнули ломом и все равно влезли. Обратились к участковому милиционеру. Он со скучным видом выслушал их заявление и равнодушно обронил:

— Где я буду искать ваше добро? У местных жителей все, что можно крадут, а вы по 9 месяцев здесь не живете и хотите, чтобы все было в сохранности.

После таких слов «дачники» поняли, что на местных «анискиных» надеяться не стоит. Конечно, можно было посоветовать этому «шерлоку холмсу» поискать их добро в соседнем дворе, где едва ли не каждую неделю шли пьяные гульбища. Но Кувшинчиковы по своей натуре были интеллигентами и не могли подозревать людей только потому, что те, нигде не работая, постоянно пьянствовали. Поэтому без лишних слов, перед отъездом в Ригу, стали относить одежду, инструмент и всевозможную утварь в сарай к живущей напротив Любови Пищугиной. Нормальному человеку неприятно чувствовать, что по твоему дому ходили незваные гости и хватали грязными руками твои вещи. Унизительно ощущать свое бессилие в борьбе со злом. Может быть, по этой причине, а может быть, годы сказывались, но в последний раз Маргарита Владимировна с нерадостным чувством собиралась в Воронеж. Она уже предлагала мужу продать дом и закончить эти вояжи, но тот был оптимистом по натуре:

— Бог с ними, с этими воришками, — успокаивал жену Валентин Александрович.— Для нас же главное на свежем воздухе побыть, в земле покопаться, собственную клубнику и яблоки попробовать.

Нынешний год выдался не яблочный, но зато урожай клубники оказался отменным. Уезжая к родным, Маргарита Владимировна наказала мужу через пару дней собрать ягоды и поставить в холодильник: она вернется из гостей и будет варенье варить. Кто ж знал, что не придется им сладкой ягоды попробовать. К несчастью, соседскому пьяному застолию не хватило закуски, вот и отправился Чугунок собирать ягоды в чужом саду. На беду хозяин этой закуски оказался дома и, несмотря на 75 лет, принципиальности своей не растерял. Кровавая развязка наступила быстро: старости не совладать с 35-летним мужиком, налитым пьяной озверелостью.

Воронежская деревня, служившая примером нравственности и честности отношений, деградирует. Моральная распушенность, воровство, пьянство стали нормой жизни. Здесь уже не стыдно залезть в общественный амбар или сарай к соседу. Не стыдно средь бела дня валяться на обочине дороги. Никто не обращает внимания на то, как молодой неработающий мужик избивает мать-пенсионерку и требует у нее деньги на попойку.

В Нижний Карачан мы приехали в полдень и, чтобы не терять времени на поиски нужной улицы, завернули к магазину, на крыльце которого увидели людей. Подъехали. На земле, привалившись спиной к крыльцу и свесив голову на грудь, сидел грязно-кудлатый мужик. Рядом валялась бутылка пива. Двое других прервали свой разговор и остекленело уставились на меня. Оба были в нищенских обносках, с испитыми, морщинистыми лицами. Сначала они не могли понять, какая улица мне нужна, потом поняли и, перебивая друг друга, дружно замахали руками в разные стороны. Стало ясно, что они просто пьяны.

В селе много домов используется их владельцами как летние дачи. Хозяева живут за пределами области, некоторые в соседнем Борисоглебске. Практически все эти дома ушлые люди «чищают» без разбора. Милиция ничего не может противопоставить этому бедствию. Или не хочет? У Валентины Михайловны Шипиловой, двоюродной сестры Валентина Кувшинчикова, несколько лет назад ночью из сарая украли пилу «Дружба». Утром она побежала к участковому. Проходит месяц — никакого движения в расследовании. Проходит еще один — тишина. Шипилова — женщина резкая и справедливая, сказала, что напишет жалобу на бездействие милиции. На следующую ночь в окна ее дома полетели кирпичи, и одновременно на железной крыше дома раздался оглушающий грохот. Утром выяснилось, что стреляли дробью из охотничьего ружья. На веер мелких дырок в крыше может и сегодня попытаться любой начальствующий чин из УВД или прокуратуры области. Очевидно, милиция числит это мелким хулиганством ребятишек-шалунишек, потому что уголовного дела по этому происшествию не заведено и ночного «охотника» не найдено. Или, может быть, не искали?

Во врачебной амбулатории Нижнего Карачана случайно попал на собрание медработников. В комнате было около десятка женщин в белых халатах. Пользуясь возможностью, спросил у них мнение об успехах местных милиционеров. Обычный вопрос привел женщин в сильное смущение: все опустили глаза в пол и не проронили ни слова. Что ж, порой молчание бывает красноречивее любого ответа.

В свою очередь и правоохранительные органы высказывают упрек населению. Заместитель прокурора района Роман Буц с профессиональной гордостью заявил журналисту, что все преступления, связанные с убийствами и тяжкими телесными преступлениями, в районе раскрываются. Другое дело — всевозможные бытовые, незначительной тяжести правонарушения. В прошлом году в районе совершено 561 преступление, и многие тоже раскрыты, но на все не хватает сил, ибо в милиции работает едва ли половина необходимого состава. Казалось бы, в такой ситуации люди должны помочь милиции, а они не помогают — боятся указать на того, кто мог быть

причастен к преступлению. Обида людей в погонах понятна, но понятно и недоверие граждан милиции. Они же видят, как многие сельчане беспробудно пьянствуют, занимаются полукриминальным бизнесом, а их никто не трогает. Все знали, что Чугунок опасный человек, что он «созрел» для преступления и совершит его рано или поздно. Он и совершил. Ждали убийства, чтобы теперь упечь его за решетку?

19 июня 2006 года было возбуждено уголовное дело по статье 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью». Ведет его молодой следователь Грибановской районной прокуратуры Дмитрий Гусев. Папка с документами не слишком пухлая — в ней рапорты милиционеров, показания свидетелей, заключения судмедэксперта. Нет главного — рапорта о том, что подозреваемый в преступлении взят под стражу. Через два месяца после преступления Чугунок все еще не арестован и где-то успешно скрывается. Причем многие сельчане говорят, что видели его вечерней порой уже не один раз — то он у дружков-пьяниц обретался, то к матери ночевать приходил.

Маргарита Владимировна уверяла меня, что «собственными ушами слышала, как сосед, с которым в тот день он пьянствовал, кричал у себя во дворе: «Ты зачем приперся сюда? Тебя милиция ищет. Или меня подставить захотел?» Кому он так кричал? Это мог быть только один человек». Старая женщина рассказывает, что, услышав эти слова, вышла в сад и увидела, как из соседнего двора вышел мужчина и огородами быстро зашагал к густому кустарнику. Кто это был — она не знает и не ее дело заниматься поиском преступника. Раздавленная горем женщина хочет одного — чтобы убийца ее мужа был наказан.

Мы выходим в сад и останавливаемся на том месте, где два месяца назад разыгралась кровавая драма. Клубника уже отошла, и вся грядка была покрыта засыхающими буроватыми листьями. Я представляю, как на старый, покосившийся заборчик рухнул от смертельного удара добрый человек с беззащитно-детской фамилией Кувшинчиков, а другой с тяжелой кличкой Чугунок, раскроивший голову старику лопатой и попинавший его ногами, — улегся рядом и стал с тупым наслаждением жрать сладкие ягоды.

Сколько все же несправедлива жизнь. Достойные люди погибают от рук тех, кто неизвестно зачем топчет сегодня землю. «Сон разума рождает чудовищ» — так, кажется, утверждали философы Средневековья. Это наше время они имели в виду.

P.S. Когда материал был готов к печати, я позвонил в прокуратуру Грибановского района. Чугунок до сих пор находится на свободе.

НАРУЧНИКИ КАК АРГУМЕНТ

Бывший офицер Военно-морского флота решил вести бизнес по законам государства. Но вскоре на себе убедился, что в России самый главный из законов – закон силы.

Вячеслав Климов 21 год отдал армии, 15 из них прослужил в Военно-морском флоте. Вышел в отставку капитаном третьего ранга. Служил бы и дальше, но стали возникать боли, связанные с травмой позвоночника. Вот и вынужден был пойти «на гражданку». За инвалидность получил солидную компенсацию, прибавил к ней деньги, собранные за время службы, и стал думать, чем в гражданской жизни руки и голову загрузить?

В начале 90-х годов рынок бурно вступал в свои права. Профессия «купи-продай» оказалась самой востребованной. Вот и Климов, поскольку с радиотехникой был на «ты», решил заняться ремонтом и продажей радиотелефонов и компьютерной техники. Нашел помещение в центре Воронежа и учредил собственную фирму «Снежный барс». Так как радиотелефоны, сканеры, компьютеры быстро входили в моду, то ассортимент товаров в магазине рос с каждым годом. Оборот расширялся, доходы увеличивались, и начинающий предприниматель радовался, что выбрал правильный путь в бизнесе. Так продолжалось до начала нынешнего века.

Злоключения начались в 2002 году, когда пришла пора продлевать договор аренды помещений фирмы. Чиновник, от которого зависело решение этого вопроса, попросил в долг 300 тысяч рублей. Сказал, что деньги нужны сейчас, а вернет их через два месяца. Поскольку откровенным вымогательством тут не пахло и человек с печатью в руках внушал уважение, Климов деньги дал. Подвигло его на такой шаг и еще одно обстоятельство: в родственниках у чиновника был один из руководителей областной администрации. Это как бы определенным образом свидетельствовало и о честности работника госучреждения.

Прошел месяц, другой, на третий потянуло, а об отдаче долга никто и не заикался. Вячеслав Яковлевич пошел к заемщику. Тот встретил его неприветливо, сказал, что отдаст как-нибудь потом, и даже попенял Климову за то, что при таких доходах он ходит и крохоборничает. Предприниматель изумился такому повороту, немного вспылил и сказал, что в таком случае он обратится в правоохранительные органы. «Не будешь потом жалеть?» — спросил должник и нехорошо улыбнулся. Расстались с неприятным чувством, но за торговыми хлопотами Климов как-то забыл о скрытой угрозе. Оказалось, что зря.

10 сентября 2003 года в помещение фирмы зашли несколько мужчин спортивного вида, предъявили удостоверения сотрудников УБОПа и начали обыск. На вопрос предпринимателя — на каком

основании они это делают, сказали, что у них есть санкция прокурора. Санкцию, однако, не показали, а надели на Климова наручники и повезли его в Коминтерновский РОВД. Оказалось, что на него возбуждено уголовное дело по факту вымогательства у чиновника 300 тысяч рублей. В материалах дела было заявление этого человека о том, что «Климов В.Я. требовал деньги под угрозой распространения позорящих сведений, грозил применить насилие, изготовив письмо путем наклеивания на бумагу букв и слов, вырезанных из газеты, и подбросив его в почтовый ящик». В РОВД Климову задают вопросы о причинах его конфликта с чиновником, а потом определяют в изолятор временного содержания.

В то время, когда задержанного допрашивали в милиции, у него дома тоже шел обыск. В квартире находились лишь малолетний сынишка Климова и его мать. Понятых почему-то забыли пригласить. «Неожиданно» милиционеры находят номер газеты «Аргументы и факты» с вырезанными из нее заголовками статей. Показывают женщине, но она не может объяснить, откуда взялась в квартире эта искромсанная ножницами газета. Через два дня Вячеслава Климова перевозят в Тенистый для проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы. По мнению юного следователя, задержанный ни в чем не хочет признаваться, не понимает, о чем его спрашивают, а значит, ему «необходимо медицинское обследование».

— Видимо, действительно меня за дурака приняли, — сказал мне Вячеслав Яковлевич. — Неужели ни у кого мысли не возникло, что если бы я вырезал из газеты слова и буквы для составления угрожающего письма, то саму газету тут же уничтожил бы. Это же естественно для офицера флота, имевшего дело с секретами стратегической связи.

Очевидно, эта простая мысль никому из милицейских дознавателей и в голову не пришла. Доктора из Тенистого тоже не заинтересовались: почему милиция без веских причин, минуя амбулаторную экспертизу, сразу привезла подозреваемого в правонарушении в стационар? Климов заявляет, что до тех пор, пока ему не объяснят, на каком основании помещен в больницу, он ни на один вопрос отвечать не будет. Врачи наблюдают за поведением пациента, и через двадцать дней его выписывают из стационара. Он обжалует факт возбуждения уголовного дела в областной прокуратуре, а потом едет жаловаться на действия милиции в Генеральную прокуратуру и Администрацию президента.

Прежний следователь отстраняется от ведения дела. Назначается новый и... 15 декабря 2003 года в отношении гражданина Климова назначается новая судебно-психиатрическая экспертиза, правда, теперь амбулаторная. Однако и она не дает ответов на вопросы следователя. Ровно через два месяца законопослушного российского

гражданина определяют на стационарную экспертизу. Десять дней за подэкспертным пациентом ведут наблюдение и не находят ничего, что могло бы говорить о его психическом расстройстве. Четверо специалистов, врачей высшей категории подписывают заключение, и несостоявшийся больной выходит из лечебницы. Естественно, милиция и не подумала извиниться за то, что поддалась провокационному навету чиновника. Климов обращается в прокуратуру Центрального района с просьбой возбудить против этого человека уголовное дело. Ему отказывают на основании «отсутствия в деянии состава преступления». Оказывается, тот факт, что человека задумали насильно, без всяких оснований, уечь на несколько лет в психушку, преступлением не является.

Почти год после этого Климова не трогали. А 9 февраля 2005 года старший следователь при Центральном РОВД капитан юстиции Н.И.Барбашина постановляет «произвести обыск в офисе ООО «Барс» с целью отыскания и изъятия предметов и ценностей, добытых преступным путем». Оказывается, из квартиры жительницы Воронежа М. украли вещи. Вот прозорливый капитан юстиции и предположила, что скупщиком краденого стал гражданин Климов. Почему не Иванов, Петров, Сидоров — неизвестно. Климов — и точка. В магазине «Снежный барс» краденых вещей не нашли. Решили провести обыск в квартире подозреваемого. И здесь сыщики ничего не обнаружили, но подогнули грузовик и «в рамках уголовного дела» вынесли из квартиры более сотни предметов — не только радио-, телевизионную и компьютерную аппаратуру, но и одежду, и даже ...комплекты нового постельного белья. Все это решено было «проверить на законность приобретения».

Дальше совсем интересно. 23 декабря 2005 года в одиннадцатом часу утра милиционерами Центрального РОВД был задержан некий Анисимов. Его доставили в отдел, обыскали. Обнаружили 30 тысяч рублей и сотовый телефон «Samsung». Согласно книге задержанных, этот гражданин был отпущен из милиции около 12 дня. Так ли это на самом деле — неизвестно, так же, как и неизвестно, получил ли он назад свои деньги. После установили, что через два часа он получил «тяжкие телесные повреждения в подъезде дома №14 по ул. Студенческая». А в 19 часов 30 минут труп Анисимова обнаружили в одной из квартир дома №12 по ул.Освобождения Труда. Определить «по горячим следам», кто был виноват в этом преступлении, так и не смогли. Но через 40 дней у милиции появляется предположение, что «к совершению данного преступления может быть причастен гражданин Климов, а по месту жительства данного лица могут храниться личные вещи, похищенные у Анисимова». А именно: портмоне с деньгами и сотовый телефон. Вывод однозначен: нужен обыск в магазине и квартире подозреваемого.

Ну что тут сказать — не бывший офицер флота и добропорядочный предприниматель, а монстр какой-то. Мало того что занимается skupкой краденого, так еще и выслеживает граждан, затаскивает их в подъезды, избивает, отбирает сотовые телефоны устаревших моделей, а потом доставляет несчастных в другой район города и убивает. Доказательств на этот счет, конечно, нет, но если надеть подозреваемому наручники и доставить его в камеру РОВД, то доказательства быстро появятся. Однако бывший капитан третьего ранга оказался упрямым, и сыщикам пришлось с ним так крепко «поработать», что после выхода из милиции он вынужден был обратиться в судмедэкспертизу.

3 февраля 2006 года в магазине «Снежный барс» сотрудники Центрального РОВД учиняют новый обыск. Теперь требуют у хозяина фирмы «добровольно выдать валюту». Чтобы не сопротивлялся, тут же надевают наручники. Обыскивают и вытаскивают из кармана ключи. Как и прежде вывозят предпринимателя в райотдел, а сами идут в квартиру. Здесь проводят тотальное «раскулачивание»: изымают все российские деньги и иностранную валюту. Собирают в коробки оставшуюся радиотехнику — жесткие диски компьютеров, плееры, сотовые телефоны, принтеры, сканеры, мониторы, телевизоры и музыкальный центр.

На допросе несколько раз упрямцу задают один и тот же вопрос: откуда у него такое богатство? Объяснениям, что деньги получены на военной службе, а богатство нажито законной предпринимательской деятельностью, — не верят. Через два часа «собеседования с пристрастием» Климова отпускают. Он догадывается, что его умышленно вывезли из квартиры, в страшном волнении прибегает домой и видит картину настоящего погрома. «Испарилась» не только электроника, но даже одежда и предметы бытовой утвари. Исчезло несколько десятков тысяч долларов, евро и рублей, находившихся в стенном шкафу.

Плачущие домочадцы сказали, что никакой копии протокола обыска и перечня изъятой оргтехники милиционеры не оставили. То есть с точки зрения Уголовного кодекса все это было похищено. На следующий день предприниматель опять идет в судмедэкспертизу. Его осматривают, и врачи ставят диагноз: закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга.

После лечения он отправляет одну за другой несколько жалоб в управление собственной безопасности ГУВД. Получает ответ от первого заместителя начальника управления В.В.Безбородова: «По результатам проверки в возбуждении уголовного дела отказано в связи с отсутствием в действиях сотрудников милиции состава преступления. Сведений о причастности сотрудников органов внутренних дел к хищению принадлежащего Вам имущества в ходе

проверки получено не было». Как говорили в одном из итальянских фильмов про мафию, «следствие закончено — забудьте».

Неожиданная развязка наступает 6 июня 2006 года, когда следователь Коминтерновского райотдела старший лейтенант юстиции М.Е.Филатов прекращает уголовное дело в отношении обвиняемого Климова «по истечении сроков давности». Милиция признает свое полное фиаско: без малого три года сыщики-пинкертонеры искали и не могли найти ни одного мало-мальского доказательства вины Климова в том, что он якобы угрожал чиновнику расправой. Но в таком случае правоохранительные органы обязаны немедленно вернуть невинному человеку имущество и деньги, изъятые во время обысков. А может быть, даже извиниться, по крайней мере, так делают в цивилизованном обществе.

Однако бывшего обвиняемого ждал новый удар. Ему сообщают, что имущество, изъятые из фирмы «Снежный барс» и хранившееся в опечатанном помещении РОВД Центрального района, украдено неизвестными лицами. По этому факту заместителем прокурора Центрального района К.К.Константиновым 8 июня 2006 года возбуждается уголовное дело: «Учитывая, что указанное хищение имеет характер общественной значимости, предварительное расследование поручается следователю прокуратуры». Проходит месяц, другой, полгода — никакого движения. Знакомые сочувствуют и откровенно говорят Климову, чтобы он вообще не ждал возврата имущества, поскольку «оно давно разворовано самими ментами». У пострадавшего начинает складываться такое же мнение.

Не хочется в это верить, но приходится. Судите сами: следователи изымают во время обыска более сотни предметов, принадлежащих подозреваемому гражданину, и сдают их до суда в камеру хранения. Она закрывается, опечатывается, ключ хранится у дежурного по райотделу. Здание под круглосуточной охраной. Однако приходит пора возвращать невинному гражданину имущество, а его и не оказывается. Но, быть может, его никогда и не было в камере, иначе как неизвестные злоумышленники смогли увезти товар на миллионы рублей прямо из здания РОВД? Дверь они не взламывали, на своем пути трупы сопротивляющихся охранников не оставили. Тогда как сумели вынести не только компактные сотовые телефоны, но и крупногабаритные телевизоры и коробки с музыкальным центром под носом у вооруженных дежурных? Если этот позор на самом деле случился, то разве не дело чести милиции отложить все другие дела и немедленно раскрыть это наглое преступление? Однако никто и за ухом не почесал. О чем тут можно думать?

Видя, что уголовное дело остается без движения, Климов подает заявление в суд. Он обвиняет следователя Н.И.Барбашину в том, что «она, умышленно не сдав имущество в камеру хранения Центрального РОВД, его присвоила, чем нанесла и наносит ему

материальный ущерб». Ответчица заявляет в суде, что она, «не составляя акта, передала имущество, изъятое в ходе обысков, оперуполномоченному Г.А.Болдыреву». Климов пишет ходатайство о вызове Болдырева на судебное заседание. Однако суд Центрального района считает, что это не нужно и довольствуется объяснением капитана юстиции.

2 июля 2007 года суд отказывает заявителю в удовлетворении жалобы. И правильно: чего этот гражданин хлопочет, если у него нет документов о свершившемся воровстве? Впрочем, их и не могло быть, потому что все знают: наша доблестная российская милиция честна и неподкупна. Конечно, случается, что кто-то из ее сотрудников забывает акт на изъятое имущество составить, другой — протокол обыска подписать и оставить его подозреваемому, третий — выгащенные из сейфа деньги пересчитать. Но у кого из нас промашек в работе не бывает?

...Во время всех своих злключений Вячеслав Климов не раз вспоминал слова своего знакомого, сказанные им, когда бывший офицер флота только вступал на путь предпринимательства: «Если хочешь успешно работать, найди хорошую ментовскую крышу, иначе тебя сожрут. В России за благополучие надо платить либо бандюганам, либо ментам». Знакомый как в воду смотрел.

ЖИЗНЬ И ПРАВО

ЗАДЕРЖАНИЕ

*Истина проста и очевидна: правовой беспредел
начинается с мелкого происшествия.*

В начале восьмого вечера Зоя Александровна начала беспокоиться и все чаще поглядывать на часы. Как будто и причин особых не было, но ощущение тревоги возникло. Внук Даниил обещал быть не позже шести, но о том, что задержится, не позвонил. У них была твердая договоренность — если не успевал к назначенному сроку, то надо обязательно дать знать. Вроде и не поздняя ночь на дворе, но время беспокойное, вот бабушка и волновалась. Она воспитывала внука одна, и шестнадцатилетний парень хоть и стремился быть самостоятельным, но бабушку любил и старался не огорчать ее попусту. В этот вечер минуты бежали быстрее обычного, а звонка не было.

Он раздался только в восемь вечера. Даниил просил бабушку не беспокоиться, сказал, что с ним все в порядке, но его задержала милиция, где он сейчас и находится. А чтобы его отпустили, Зое Александровне нужно приехать в Центральный районный отдел внутренних дел. В большой тревоге она тут же собралась и поехала из Северного района в центр города.

...Зима нынче была теплая, и в воскресный день 4 февраля воронежская молодежь заполонила городские улицы. Группа знакомых между собой старшеклассников из разных школ города и первокурсников вузов гуляла по проспекту Революции. Парни и девушки находились возле Дома офицеров, рассказывали всякие байки, весело смеялись, прикалывали друг друга. Неожиданно, чуть обогнав их, к обочине тротуара прижалась патрульная машина ППС, из нее вышли двое милиционеров и остановили гулявшую группу. Без объяснения причин указали пальцами на мальчишек высокого роста и крепкого телосложения и велели всем им садиться в машину.

— Зачем? — спросили ребята.

— Поедем в отдел, там разберемся, — прозвучал короткий ответ.

Восьмерых человек, в том числе и Даниила Юмашева, увезла машина. Оставшиеся в полном недоумении и с неприятным чувством пошли по домам. Вечер был испорчен непонятно почему — молодые люди гуляли, никого из окружающих не трогали, ссор не затевали. Возможно, громко смеялись, но за это раньше в милицию не забирали.

В районном отделе внутренних дел задержанных взяли в жесткий оборот. Фамилия, имя, отчество, год рождения, где учишься или работаешь, где и с кем живешь, как зовут отца, мать, где и кем они работают, что делал в центре города, кто твои знакомые — вопросы сыпались один за другим. При этом никто из допрашивающих сам не представился и не объяснил причину задержания. Затем всем подросткам велели написать объяснительные, в которых (чисто-сердечно!) признаться, что они состоят в неформальных молодежных объединениях, что задержаны не у Дома офицеров, а на площади Победы. Просьбы ребят позвонить домой, чтобы сообщить родным о ситуации, были отклонены. Вместо этого каждого сфотографировали (как фотографируют преступников) и дактилоскопировали (отпечатки пальцев занесли в заведенные для каждого карточки). Напуганные всем происходящим, задержанные (или непонятно в чем подозреваемые) даже не сопротивлялись. После всех процедур им разрешили сделать один звонок домой.

Когда Зоя Александровна приехала в милицию на улицу Чайковского, внутрь ее не пустили. Стоявший на посту милиционер предложил ей и другим родителям писать расписку в том, что их дети получены целыми и невредимыми. Расписки писались на капоте стоящего у ворот уазика. Через несколько минут женщина в милицейской форме вывела задержанного внука за ограду. Взяла расписку и сказала, что милиция проводила профилактический рейд, и претензий к поведению Даниила Юмашева у нее нет. Бабушка и внук могут быть свободны. Они и поехали домой с неприятным чувством унижения и собственного бессилия.

Однако дело на этом не закончилось. Ровно через месяц, в субботний день домой к Юмашевым явилась инспектор Северного ОВД капитан милиции Бурсова. Она заявила, что должна «опросить» саму Зою Александровну и ее воспитанника по поводу допущенного им административного правонарушения, зафиксированного милицией Центрального РОВД. Юмашева возмутилась, сказала, что никакого правонарушения не было, и попросила показать протокол, свидетельствующий о происшествии. Протокола у пришедшей не было и, видя, как разволновалась немолодая женщина, капитан Бурсова успокоила ее, заявив, что это лишь формальность. Она, мол, уже беседовала с соседями и «к счастью, все характеризовали Даниила положительно».

Такое «счастье» принципиальную бабушку не устроило, и Зоя Александровна отправилась на прием к заместителю начальника Центрального РОВД Калинину. Она попросила объяснить, за что 4 февраля был задержан ее внук и какие документы свидетельствуют о его правонарушении? Замначальника сказал, что ничем не может помочь, потому что «материал был накопительный и он сдан в архив». О подробностях нарушения может рассказать начальник отдела по делам несовершеннолетних Ищенко, к ней и следует обратиться. Зоя Алесандровна обратилась. Оказалось, однако, что списки всех задержанных в тот день отправлены в УВД области, но «вероятно, молодой человек ничего серьезного не допустил, иначе бы дело так просто не закрылось». Услышав эти слова, настойчивая защитница родного внука пришла в полное недоумение. Если Даниил ничего предосудительного не совершил, то зачем ставить его на профилактический учет, вносить его фотографии и отпечатки пальцев в общую милицейскую картотеку? Или все это не считается нарушением прав молодого российского гражданина? Эти вопросы читательница «Коммуны», врач по профессии, и задавала в своем письме в редакцию.

Признаться, поиск ответа на них не показался автору этих строк слишком сложным. «Вот встречусь с начальником РОВД Центрального района, и ситуация прояснится», — думал я. С тем и позвонил полковнику А. А. Иванову. Алексей Александрович тут же назначил встречу. Любого журналиста привлекают люди энергичные, не откладывающие дела в долгий ящик. Так что, не встречаясь прежде с Ивановым, уже проникся к нему некоторой симпатией. Увы, она исчезла буквально в первую минуту моего пребывания в начальственном кабинете.

Диктофон — орудие труда журналиста. Штука удобная и необходимая. Включил — и не надо пытаться торопливо записывать все, что говорит собеседник. Придешь в редакцию, спокойно прослушаешь пленку, которая сохранит не только сам разговор, но даже оттенки его.

А во время беседы есть возможность внимательно следить за мыслью говорящего, что-то уточнять, с чем-то не согласиться и поспорить. Вроде бы выгодно для обеих сторон. Но не могу понять, почему все люди в погонах (по крайней мере, 90 процентов их) судорожно боятся этого нехитрого аппарата. Едва достанешь, испуганно вскрикивают и просят немедленно убрать. Казалось бы, честному человеку чего бояться записи разговора, но спорить бесполезно, могут вообще отказаться разговаривать с журналистом.

Вот и полковник Иванов едва увидел диктофон в моих руках, тут же приказал: «Уберите, я не разрешаю записывать». Спорить не стал, достал блокнот. Новое требование: «И в блокноте ничего не пишите, я не собираюсь давать интервью». Объясняю, что не за интервью пришел, а чтобы прояснить ситуацию с задержанием подростков. Прояснять нечего, ответил начальник милиции, на площади Победы «готовилась массовая драка» между молодежью разных районов, и милиция «приняла предупредительные меры». Милиции «спасибо» надо сказать, а вместо этого родители задержанных начали писать жалобы. «Но если драки не было, за что задержали молодых людей? Правонарушений они не допустили и задержали их далеко от площади Победы», — заметил я.

И чтобы окончательно прояснить ситуацию, сославшись на закон о СМИ, попросил посмотреть все документы, которые легли в основу конфликта. Алексей Александрович покраснел, пристукнул ладонью по столу и с негодованием стал выговаривать мне, что пытаюсь защитить хулиганов и потенциальных преступников, что он в неприемные часы назначил встречу, а я вместо благодарности хочу выставить органы правопорядка в негативном свете. Естественно, никаких документов он мне не покажет: если родители жалуются, то пусть прокуратура дает оценку действиям милиции, а «прессе лезть в эти дела совсем незачем». Если же в газете появится какая-нибудь статейка, то он тут же подаст на меня в суд.

Я стал успокаивать полковника, сказал, что уважаю органы правопорядка, понимаю их нелегкий труд и пришел к нему с одной целью — прояснить возникшую ситуацию. Мне, мол, просто непонятно: на каком основании задержанных подростков фотографировали и снимали у них отпечатки пальцев? Этот простой вопрос окончательно рассердил полковника Иванова. Не скрывая своего раздражения, он посоветовал мне ознакомиться с законами о милиции и оперативно-разыскной деятельности. Они — основа всей деятельности правоохранительных органов, и больше говорить ему с журналистом не о чем. Словом, Алексей Александрович Иванов указал мне на дверь.

Вышел я из кабинета и, пока двигался в редакцию, размышлял о том, почему значительная часть российского населения не любит

милицию. Ведь, казалось бы, она защищает нас от всевозможных преступников и мошенников, вылавливает тех, кто мешает нам жить. Ее любить и привечать надо, как это было в советские годы, а вместо этого презрительные клочки и общее негативное отношение к людям в погонах. Да, они по долгу службы сталкиваются с «дном» нашего общества, с «заряженными» на криминал личностями. Но беда в том, что, когда в милицию приходят нормальные люди со своей бедой, люди в погонах уже не отличают их от преступников и тех, кто, не задумываясь, нарушает закон. Тот же крик, те же угрозы, те же издевательства над случайно попавшими в поле зрения милиции людьми. К несчастью, таких примеров сегодня все больше. И это очень тревожная ситуация. Ведь если главный районный милиционер так разговаривает с корреспондентом областной газеты, то что может ожидать рядового гражданина, пришедшего в милицию со своей бедой?

Вернувшись в редакцию, внимательно прочитал законы «О милиции» и «Об оперативно-разыскной деятельности». Ни в одном не обнаружил разрешений на беспричинное задержание мирно гуляющих в центре города молодых людей, затаскивание их в райотдел, допрос, фотографирование лиц и «откатывание пальчиков». В пункте 15 ст. 11 закона «О милиции» такие действия разрешаются в отношении лиц «подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, подвергнутых административному аресту, а также лиц, в отношении которых имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении, при невозможности установления их личности...» Никто из задержанных молодых людей не попадал под эти условия. Значит ли это, что в здании на ул. Чайковского допустили превышение должностных полномочий? Есть смысл подумать над этим вопросом новому начальнику УВД области генералу Хотину.

В прокуратуре Центрального района журналиста «Коммуны» заверили, что, если к ним обратятся родители потерпевших молодых людей, будет проведена тщательная проверка случившегося. Виновные могут понести наказание. Зоя Александровна Юмашева в прокуратуру обратилась. Прошел ровно месяц. Ответа пока нет.

Возможно, кто-нибудь, прочитав эту историю, усмехнется: на фоне всего того правового безобразия, что происходит в стране — убийства и заказные убийства, грабежи и зверские изнасилования, похищения людей и продажа их в рабство, — все рассказанное просто мелочь. Может быть, и так. Но только с таких вот мелочей начинается правовой беспредел в любой стране. И Россия здесь не исключение.

За судебный очерк «Свидетели обвинения» взялся по одной причине: поразило желание судей и прокурора во что бы то ни стало засадить за решетку этих подростков. Сколько нарушений закона при этом было допущено — уму непостижимо. Недаром коллегия Верховного суда дважды отменяла приговоры воронежских юристов. В третий раз дело стала рассматривать женщина-судья, которая «прославилась» у нас тем, что назначает подсудимым максимальные сроки наказания. Кстати сказать, журналистов она терпеть не может. Рассматриваемое дело катилось еще к одному обвинительному приговору, как вдруг, к полной неожиданности всех участников процесса, прокурор отказался от обвинения, мотивируя это «отсутствием доказательной базы и общественной значимости этого дела». А ведь именно об этом я и говорил в своих публикациях.

История с «Клубникой в крови», казалось бы, обыденность наших дней. Но она «зацепила» меня полным равнодушием и спокойствием местной власти. Вроде бы не в многомиллионном городе случилось преступление, а в сельской местности, где все друг друга знают, но убийцу почему-то никак найти не могли. Быть может, ждали, что он сам с повинной явится. Но он так и не пришел в милицию. Более года прошло после преступления, а преступника все так же не могут найти. Даже публикация не подтолкнула наших «пинкертонов» к активности. Столько преступлений, как нынче, в воронежских селах еще не было. И ничего. Власть по-прежнему сидит на местах, управляет и рапортует о достигнутых успехах.

Что касается «Задержания», то эта тема крайне болезненна, по крайней мере, для Воронежа. У нас довольно часто меняются милицейские начальники, и каждый вновь приходящий пытается устанавливать свои правила игры. Страдают, как всегда, невинные.